

ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИЕ ЯЗЫКИ (УЛЬЧСКИЙ И НАНАЙСКИЙ)¹

А. Н. Герасимова

Ульчский и нанайский – близкородственные языки, принадлежащие к амурской подгруппе тунгусо-маньчжурской семьи. Основной ареал распространения этих языков – бассейн реки Амур в её среднем и нижнем течении. Нанайский язык распространен в нескольких районах Хабаровского края: в Нанайском, Комсомольском, Солнечном и Кур-Урмийском, а также в Пожарском районе Приморского края и в Китае, на берегах рек Усури и Бикин, тогда как ульчский язык распространен только на территории Ульчского района Хабаровского края. Таким образом, если нанайский язык представлен по меньшей мере четырьмя крупными диалектами (найхинским, бикинским, кур-урмийским и сунгарийским), в значительной мере отличными друг от друга, то ульчский язык достаточно монолитен, и провести его диалектное членение не представляется возможным.

Исторически совокупность нанайских диалектов и ульчский язык принадлежали к одному непрерывному диалектному континууму, который ранее существовал на берегах Амура и был разрушен с приходом коллективизации и началом укрупнения деревень в 30-х гг. прошлого века: территории и маленькие селения, служившие связующим звеном между ульчами и нанайцами (а именно побережье Амура между селами Ниж. Тамбовское и Софийск), опустели.

Так как ульчский язык и нанайские диалекты – это части одного диалектного пространства, вопрос о статусе каждого идиома в этом континууме неоднозначен. На начальных этапах изучения ульчский язык считали одним из диалектов нанайского языка², и лишь в работах 80-х гг. прошлого века ульчский язык впервые рассматривается как самостоятельный³.

Однако обе эти точки зрения не бесспорны. Носители ульчского языка неоднократно замечали, что легко могут понимать нанайский язык «низовских», т. е. жителей таких нанайских сел, как Бельго, Верхняя Эконь или Нижние Халбы, и общаться с ними, но общение с носителями найхинского диалекта и других диалектов выше по течению Амура затруднено. С другой стороны, существующие описания ульчского языка не всегда адекватно отражают грамматические явления, наблюдаемые в речи, в которой присутствуют элементы разных уровней, пока не получившие интерпретации. Эти элементы существенно увеличивают число различий между де-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 04-04-00341а).

² Петрова Т. И. Ульчский диалект нанайского языка. Л., 1936.

³ Суник О. П. Ульчский язык. Исследования и материалы. Л., 1985; и другие работы.

тально описанным найхинским диалектом нанайского языка и ульчским языком.

В качестве примера приведём аффикс =ки/ =п(?)ки, встречающийся в ульчском тексте № 1, предложение (26):

[...] мо: пороцкин то:ра, мо: гарапкин то:ра [...]

мо: пороц=ки=н то:=ра мо: гара=пки=н
 дерево верхушка=LAT?=p3Sg подняться=CV_{PST} дерево сук=LAT?=p3Sg
 то:=ра
 подняться=CV_{PST}

‘Полез на верхушку дерева, залез на сук дерева...’

Интерпретация значения этого аффикса в данном случае опирается на контекст, и мы пока не можем объяснить, почему употребляется именно этот аффикс, а не зафиксированный в ульчском и нанайском языках обычный аффикс латива =тi (нан. =чи), который мы обнаруживаем далее в том же предложении:

[...] гарапкин то:ра [...] ум гарагати пусчи, гој гарагати пусчи [...]

гара=пки=н то:=ра ум гара=тi пусчи=i=∅
 сук=LAT?=p3Sg подняться=CV_{PST} один сук=LAT прыгать=PrP=3Sg
 гој гара=тi пусчи=i=∅
 другой сук=LAT прыгать=PrP=3Sg

‘На сук залез, на одну ветку прыгнет, на другую ветку прыгнет...’

Таким образом, в описаниях как ульчского, так и нанайского языка имеется еще немало пробелов.

Материалы, представленные в этом сборнике, были собраны во время двух экспедиций в Хабаровском крае (сентябрь-ноябрь 2002 г⁴. и август-сентябрь 2003 г⁵).

ПРИНЦИПЫ ИСПОЛЪЗУЕМОЙ ГРАФИКИ

Мы ввели некоторые обозначения, не использующиеся в сложившейся традиции записи нанайских и ульчских текстов:

: – долгий гласный звук, как в нанайском *на:ду* ‘на земле’;

’ – 1) редукция конечной гласной *и*, возникающая в потоке речи, например, ульч. или нан. *хо:н’* (*хо:ни*) ‘как’, *хајм’* (*хајми*) ‘что делаю’ и т. д.; 2) обозначение мягкости согласного перед гласными [а], [о], [у] (*и’у:чикэ* ‘маленький’); 3) мягкость согласного, появившаяся в результате регрессивной ассимиляции под влиянием другого мягкого согласного, как в нанайских словах *бал’зи:* ‘живёт’, *пул’си:* ‘ходит’ и др. По нашим предвари-

тельными наблюдениям, такое регрессивное смягчение не характерно для ульчского языка.

i – гласный, характерный только для ульчского языка, более низкого подъёма и более передний, чем *э*. Этот звук встречается, например, в личном окончании причастий 3-го л. мн.ч. =тi (*бичи=тi* ‘они были’) и в омонимичном посессивном окончании 3-го л. мн.ч. =тi (*пиктэ=тi* ‘их ребёнок’). В нанайском языке на месте этого гласного наблюдается гласный [и], перед которым встречаются только палатализованные согласные, тогда как на месте ульчских [т] и [д] – аффрикаты [ч] и [з], образовавшиеся в результате палатализации [т] и [д]. Ср.: нан. *бичи=чи* ‘они были’, *пиктэ=чи* ‘их ребёнок’.

ц – аффриката, отображаемая в традиционной записи графемой *ч* перед гласными [а], [о], [э], [у]: *цава* ‘это’, *цоцахани* ‘убежал’ и т. д. Эта аффриката характерна для среднеамурского (найхинского) «цокающего» диалекта, в котором звук [ч], по-видимому, является вариантом той же фонемы перед гласным [и] или перед стянувшимися дифтонгами [иа], [иэ], [ио], [иу], например: *ба:чигоалу* ‘здравствуй’, *туј биче:* ‘так жил’ и т. д. В нижнеамурских (гэринский, болонский) диалектах нанайского и в ульчском языке эта фонема в любой позиции реализуется в звуке [ч].

Употребление графем *э* и *е* отражает разлiе между звуком заднего ряда среднего или верхнего подъёма [э] и среднерядным звуком [е], образовавшимся в нанайском и ульчском языках после стяжения дифтонга [i’э], например, ульч. или нан. *би’э – бе:* ‘месяц’.

Таким образом, мягкость предшествующего согласного передаётся тремя способами: знаком ’ или графемами *и* и *е*.

Графема *з* обозначает фонемы, коррелирующие друг с другом в ульчском и нанайском языках, но их акустическо-артикуляционные характеристики не однородны. Так, в ульчском языке и нижнеамурских диалектах нанайского языка это мягкая аффриката [д’эс’], тогда как в среднеамурском диалекте нанайского языка в позиции перед гласными [а], [э], [у], [о] это твёрдая аффриката [дз], которая приобретает мягкость перед гласной [и] и перед стянувшимися дифтонгами [иа], [иэ], [ио], [иу]. Встречаются следующие варианты произношения смягчённой аффрикаты: [д’э’], [д’], [д’эс’].

ИНФОРМАНТЫ

Текст 1 на ульчском языке записан от Нины Васильевны Муниной, проживающей в с. Булава Ульчского района. Нина Васильевна – известная в районе сказительница и исполнительница песен на ульчском языке. Она часто выступает на радио и по телевидению.

⁴ При поддержке Evert van der Waal, Reklet Groep Holland.

⁵ При поддержке Foundation of Endangered Languages, UK.

Сказка была записана в двух версиях, 11 октября 2002 г. и 25 августа 2003 г., в с. Булава. Текст приводится по версии 2002 г. с незначительными дополнениями и изменениями по версии 2003 г.

Текст 2 на ульчском языке записан от **Ольги Харлампьевны Дуван**, проживающей в с. Булава, 25 августа 2003 г. Ольга Харлампьевна – исполнительница ульчских песен, поёт в национальном ансамбле «Гива». Владеет ульчским и русским языками.

Текст 3 на ульчском языке рассказал и записал **Григорий Григорьевич Вальдю**, житель с. Богородское. Текст записан 6 августа 2003 г. Григорий Григорьевич и его жена Лукерья Григорьевна Ольчи – знатоки ульчского языка. Уже несколько лет Григорий Григорьевич собирает материалы для нового издания ульчско-русского словаря. Кроме ульчского и русского, Григорий Григорьевич владеет также нанайским языком.

Текст 1 на нанайском языке любезно предоставлен в рукописном виде (без перевода) **Николаем Николаевичем Бельды**, проживающем в г. Амурске. Николай Николаевич – знаток нанайского языка, уже много лет собирающий материалы на родном языке. Владеет нанайским, русским, китайским, английским и немецким языками. Мы затрудняемся точно установить диалектную принадлежность данного текста, но предположительно его можно отнести к найхинскому диалекту.

Автор искренне благодарит информантов, которые не только с большим мастерством рассказывали сказки и рассказы, работали с анкетами, но оказали бесценную помощь в расшифровке текстов, помогали организовать встречи с другими людьми, знающими родной язык, и многое другое.

Мне хотелось бы также поблагодарить за помощь тех людей, рассказы которых не вошли в этот сборник, но без которых запись опубликованных здесь текстов не состоялась бы: **Валентину Петровну Дечули** и её дочь **Марину Никитичну Куйсали**, которые не только помогали мне абсолютно во всём во время моего пребывания в с. Булава, но превратили мои экспедиционные будни в веселый праздник на острове, где **Ольга Харлампьевна** рассказывала свою историю и где было спето много песен на ульчском языке и рассказано много других историй; **Юрия Никитича Куйсали**, директора ульчского музея и центра народных искусств в с. Булава, который взял на себя труд познакомить меня с жителями села, знающими и любящими родной язык; **Лукерью Григорьевну Ольчи** и её мужа **Григория Григорьевича Вальдю** (с. Богородское), которые всегда радушно принимали меня и щедро делились своими знаниями родного языка и фольклора; **Валентина Ивановича Дигора** (г. Амурск), который оказал мне бесценную помощь и дал множество полезных советов по работе в Амурске, Комсомольске-на-Амуре и в селах Комсомольского района.

От всей души благодарю всех, с кем мне довелось работать, за сердечность и гостеприимство, терпение и доброжелательность.